

Коровин К. Апельсины // Возрождение
(Париж). 1930. 31 августа. № 1916. С. 3-4.

Апельсины

Отъ зари до зари,
Лишь зажгутъ фонари,
Вереницы студентовъ
Шатаются...

Мы были молоды и горе еще не коснулось насъ... Весной, послѣ долгой московской зимы, мы любили «пошнать» въ предмѣстьяхъ Москвы...

— Пойдемте въ Петровское-Разумое, — предложилъ Антонъ Павловичъ Чеховъ.

Брать его Николай, художникъ, уго варивалъ итти въ Останкино: «такъ чинниъ лугъ», и прудъ, будемъ купаться».

— Нѣтъ, купаться рано! — сказалъ Антонъ Павловичъ, — только пятое мая. Я не позволю, я докторъ. Никого еще не лечилъ покуда, и кто будетъ лечиться у меня — тоже не знаю, но все равно — врачъ и купаться запрещаетъ...

Да, я врачъ! Дипломъ повѣшу въ рамкѣ на стѣну и буду брать за визитъ. Раньше не думалъ объ этомъ. А забавно, какъ это въ руку при прощаньи незаметно сунуть свернутую бумажку...

Буду брать и опускать глаза, какъ лучше — глядѣть нахально: посмотрю что дали и положу въ жилетный карманъ. Станетъ, развязно. Вотъ, такъ! — покавалъ А. П. — А покуда что немного денегъ есть. Пойдемъ, Исакъ, — обрѣдился онъ къ Левитану, — сбѣгадимъ лавочку и купимъ на дорогу

чегонибудь поѣсть. У Чехова мы всегда встрѣчали много незнакомыхъ новыхъ людей: студентовъ — сверстниковъ его, рецензентовъ, журналистовъ, — въ это время онъ писалъ подъ псевдонимомъ Чехонть.

На сей разъ въ его комнатѣ въ гостиницѣ «Восточные номера» былъ особый человекъ. Небольшого роста, бѣлобрысый, лицо въ веснушкахъ, ротъ лудочкой, свѣтлые усики и сердитые брови. Сѣрые глаза глядѣли остро, сразу было видно, что это человекъ серьезный. Говорилъ онъ рѣзко и очень строго. И сѣдливости, какая была въ насъ, не было и слѣда.

Онъ говорилъ обращаясь къ брату Чехова:

— Медицина не наука, фикция! Никакой уважающей себя человекъ не возьмется этой профессіи. Я это, конечно, и выбралъ филологическій факультетъ.

Онъ свдвинулъ брови и вытянулъ губы въ лудочку.

Какой сердитый! — подумалъ я. А. П. и Левитанъ вернулись. Положили покупки на столъ.

— Ну, собирайся, Николай, сказалъ

А. П. — Давай вотъ эту корзинку.

— Антоша послушай! Новичковъ увѣряетъ, что мелнина ерунда, фикция, а ты теперь лекарь, плутъ и мошенникъ, — говорилъ братъ А. П., завертывая въ бумагу печенныя яйца.

— Да, да, вѣрно, все вѣрно — отвѣтилъ А. П.

— Половина клздициъ жертва доктору, — сказалъ Новичковъ и свдвинулъ бровки.

Антонъ Павловичъ засѣлся. — Я одинъ сколько народу уморю! Вы замѣчательный человекъ, Новичковъ. Вамъ надо бы юридическій факультетъ. Вы — судья праведный. Ну, идемъ!

Мы вышли. Какъ хорошо на улицѣ! Тарахтятъ колеса по сухимъ мостовымъ, солнце свѣтитъ радостью, синія тѣни отблзняютъ заборы, деревня и рѣзко ложится на землю.

Какой контрастъ: солнце, весна, воздухъ и накуренная комната намеревъ! Идемъ, за навстрѣчу процессіи похоронъ. Шагаютъ понурые люди: жена, наклонивъ голову, у самаго гроба; потомъ кареты, извозчики съ родными, знакомыми.

— Весной лучше жениться... Какъ вы думаете? — обратился Антонъ Павловичъ къ Новичкову, но тотъ ничего не отвѣтилъ.

Сады за заборами бузина зеленая, яркая. Тверская, Ямская, лавки, магазины, церкви. А вотъ и «Трухмальные» ворота.

— Читайте — сказалъ Николай Чеховъ, — что написано: лшество галловъ и съ ними двенадцати языковъ.

Вотъ они здѣсь когда то были, чувствовали. Изящные кирасиры, гусары, гварзія, французы, испанцы; итальянцы, саксонцы, поляки, далматійцы, монегаски, махелюки, и самъ Наполеонъ. Когда онъ увидѣлъ впервые самоваръ, здѣсь въ Москвѣ, то... И братъ Николай пропѣлъ:

Что за странная нашинка!
Усмѣхнувшись молвить галъ.
Это русская утѣха,
Это русскій самоваръ...

— Правда, мнѣ надо быть поэтомъ? Какъ я стихомъ то владѣю.

Взругъ и новый нашъ знакомый Новичковъ открылъ ротикъ и съ серьезной миной заплѣлъ теноркомъ:

И всегда впередъ стремился
Ты, илейный человекъ,
Съять правду не скупился,
Презирая жалкій вѣкъ.

Мы остановились и глядѣли на Новичкова. Что будетъ дальше? Но онъ презрительно замолчалъ.

А. П., сѣвши на край канавы, на травку, вынулъ изъ кармана маленькую книгу и что то быстро записалъ.

Мы шли сухой дорогой — шоссе. Справа пряталась и выглядывала изъ пухлыхъ весеннихъ саловъ деревенныя дачи, были въ садахъ вишневые въ цвѣту деревца, яблони, акации и желтоватые пышные тополя. На всемъ блестяло солнце. Домики, были, какъ дѣтскія игрушки: весело раскрашены, ставни закрыты. Москвичи еще не переѣзжали въ нихъ.

Слѣва протянулось большое поле Холмское. Мы подходили къ Петровскому дворцу. Я любовался архитектурой. Такія формы бывають на старыхъ фар

форонныхъ вазахъ: глѣ пейзажи и все дышетъ радостью, общаіемъ чего то восхитительнаго, фантастическаго...

О своемъ впечатлѣніи я сказалъ Антону Павловичу.

— Да, — отвѣтилъ онъ, — вся жизнь должна быть красивой: но у красоты пожалуй больше враговъ, чѣмъ даже было у Наполеона. Защиты красоты, нѣтъ, нѣтъ.

Дворецъ стоялъ на кругу ровной плошадки. Впередъ шло Петербургское шоссе. По кругу, прислоненныя къ большому серебрястому тополю, стояли длинныя скамьи, выкрашенныя въ яркий зеленый цвѣтъ. На одну изъ нихъ мы сѣли. Всѣ были голодны и занялись ѣдой.

Къ намъ подошелъ разносчикъ, снялъ съ головы лотокъ, поставилъ рядомъ на скамейку и пропѣлъ: «Пельсины хороши!».

Антонъ Павловичъ спросилъ: — Сколько, молодецъ, за все возьмешь?

Разносчикъ сосчиталъ апельсины. — Два сорокъ.

— Ну, ладно, я дамъ тебѣ три рубля, только посиди часокъ тутъ. Я поторгую. Я раньше торговалъ лавочникомъ быть. Тоже хочется не забыть это дѣло.

Разносчикъ посмотрѣлъ хитро: — Ваше дѣло, пожалуйста.

Онъ взялъ трехрублеую бумажку, положилъ въ большой кошель, который спряталъ за голенище сапога, съѣлъ рядомъ и добавилъ:

— Чего выдумываетъ!

Положили двѣ женщины съ серьезными скромными лицами и съ ними ста-

рихъ въ военной фуражкѣ. Онъ взялъ апельсинъ въ руки и спросилъ почемъ. — Десять копеекъ, — отвѣтилъ Чеховъ.

Старикъ посмотрѣлъ на разносчика и на Чехова:

— Кто торгуетъ то?

— Я-съ, все равно-съ, — сказалъ Чеховъ. Мы строились.

— Пятнадцать копеекъ пара. Хотите? — сухо предложили старикъ.

— Пожалуйте-съ, — согласился А. П.

— Ну, и торговалъ! — сказалъ разносчикъ. — Этакъ вскинь торговать можно.

Подошелъ какой то франтъ накуренаго вида. На рукахъ его были свѣтлыя лайковые перчатки. Спросилъ, почемъ апельсины.

— Если одинъ, то десять копеекъ. Если десятокъ, то рубль пятьдесятъ.

— То есть, какъ же это? — похмурилъ франтъ. — считать не выучились еще?

Взялъ апельсинъ и ушелъ. Какая то молодецкая барышня спросила, сколько стоитъ десятокъ.

— Рубль, — отвѣтилъ Чеховъ.

— Дорого. А полтинникъ хотѣтъ?

— Пожалуйте, — отвѣтилъ Чеховъ.

— Ишь запрашиваютъ! — Барышня выбрала апельсинъ и клала сама въ ѣмочку.

— Можетъ быть, кислые они у васъ? — Кисловаты, — сказалъ Чеховъ.

Она посмотрѣла на него и выложила всѣ апельсины по одному обратно.

— Попробуйте одинъ, денегъ не надо.

Она облупила апельсинъ и съѣла.

— Кисловаты, — сказала барышня и ушла.

— Ну, и торговля! — возмущался разносчик.

— Хотите сорок копеек за десяток? — вернувшись, предложила барышня.

— Хорошо съ, пожалуйста. — откликнулся Чехов. — Только без кожи.

— То есть, как же это без кожи?

— Кожей отделимо торгуемъ-съ.

Барышня глядела удивленно.

— Кто же кожу покупает?

— Иностранцы-съ, они кожу берут.

Барышня разсмѣялась.

— Хорошо, давайте без кожи, но это такъ странно, я въ первый разъ слышу.

Чеховъ уступилъ апельсины съ кожей.

— Ну, торговля! Торговать-то надо орѣшекъ въ головѣ нѣтъ. А это что? Отецъ тебя мало знаетъ былъ. Этакъ-то товаръ отдавать дарма. Дурацкое дѣло не хитрость. Али даныгъ крадены.

Разносчикъ сердился.

— Десятокъ остался. Это беремъ себѣ въ дорогу, а вотъ пятокъ бери себѣ, — сказалъ ему Чеховъ.

Мы пошли дорогой на Петровское - Разумовское. Но пройдя немного, услышали свали свистки. Оглянулись и увидѣли бѣжавшихъ въ нашу сторону двухъ городскихъ и разносчика.

Мы остановились. Разносчикъ показывалъ на насъ городовымъ и кричалъ:

— Эти самые студенты!

Подбѣжали полицейскіе:

— Пожалуйте въ участокъ.

— Зачѣмъ въ участокъ? — въперомъ-хиса Новичковъ.

— Не-че пожалуйста! Евонные пельсины усь съѣли. Пожалте, тамъ разберутъ.

Чеховъ смотрѣлъ на разносчика. Левитанъ возбужденно повторялъ:

— Ахъ, какъ подло, какъ подло!

Насъ повели, какъ полагается — какъ арестантовъ: сзади и спереди по городовому. Они поглядывали на насъ съѣли глазами, похожими на пугоницы. Видно было, что имъ нравилось то, что поймали студентовъ и ведутъ ихъ на судъ праведный.

У самой Петровской заставы ввели насъ во дворъ и приказали подняться на крыльцо грязнаго одноэтажнаго кирпичнаго дома, съ обвалившейся штукатуркой. Мы вошли въ комнату, гдѣ пахло затхлостью и сыростью. Комната раздѣлялась деревянной рѣшеткой желтаго цвѣта, за рѣшеткой была человѣкъ въ котелкѣ, съ русой бородакой и румянцемъ во всю щеку. Увидѣвъ насъ, онъ завопилъ.

— Книжники, фарисеи, попались голубчики! Паниросу немедленно потомственному почетному!

Насъ провели въ другую большую комнату участка, гдѣ справа за столомъ сидѣлъ писарь. Мы пристѣли на лавки. Въ тишинѣ комнаты было слышно, какъ перо писаря скрипѣло. Полная печаль, съ заплаканными глазами, плохо одѣтая женщина, наклонясь, шопотомъ говорила писарю:

— Андрей, а можетъ и не Андрей. Кто знаетъ? А ее канарейкой звали, а кто Шурка-Пароходъ....

Варугъ быстро отворилась дверь справа и вошелъ высокаго роста приставъ въ короткой венгеркѣ со свѣ-

лыми пугоницами. Кудравые волосы, ухарски причесанные на проборъ, кольцами закрученные усы. Каріе глаза квартальнаго улыбались.

Сѣвши за столъ, покрытый синимъ сукномъ, онъ посмотрѣлъ на насъ. Сложилъ руки вмѣстѣ, опять посмотрѣлъ и сказалъ:

— Ну, которые? Коршуновъ!

Городовой выскочилъ впередъ и сталъ докладывать:

— Вотъ эти студенты у ево, — онъ пальцемъ указалъ назадъ не глядя, — у разносчика усе пельсины поѣли, а деньги не платятъ.

— Сколько у тебя апельсиновъ съѣли? — спросилъ приставъ.

— Такъ что очинно много, ваше благородіе.

— Сколько?

— Такъ, что болѣ ста.

— Много, — замѣтилъ приставъ. — Какъ же ты, ярославецъ, паренъ не дуракъ, далъ съѣсть сотню апельсиновъ четвернымъ безъ денегъ?

— Признаться, ваше благородіе, я маленъко отлучился по нуждѣ.

— Коршуновъ! — крикнулъ приставъ.

Городовой выскочилъ къ столу.

— Гдѣ онъ стоялъ? — спросилъ приставъ.

— На кругу, ваше благородіе.

— Ты что же это, братецъ, на кругу? Тамъ дворецъ, а бѣгаешь по малости? Невѣжа!

И обратясь къ намъ сказалъ:

— Прошу, подойдите. Документы при васъ?

У Левитана была бумага на право писати съ натуры отъ московскаго губер-

натора, князя Долгорукова. у меня тоже. Чеховъ далъ карточку журналиста, братъ Чехова не имѣлъ ничего, а Новичковъ какъ-то ушелъ раньше.

Приставъ перелистывалъ документы и обратился ко мнѣ:

— Вы, значить, художники будете?

И глядя на карточку Чехова:

— Чехоте? Знаю-съ, читаль... Скажите, какъ же это? Трудно вѣрить, что бы по 25 апельсиновъ съѣсть, даже очень трудно!

— Да нешто у меня считано, можетъ и меньше, — говорилъ разносчикъ.

— Садитесь. — предложилъ приставъ.

Онъ съ улыбкой обратился къ Чехову:

— Скажите мнѣ, въ чемъ здѣсь дѣло?

Чеховъ коротко рассказалъ эпизодъ съ апельсинами. Квартальный приставъ посмотрѣлъ на него и, переведя глаза на разносчика, сказалъ:

— Послушай, молодецъ, ты говоришь апельсины поѣли они безъ тебя? А знаешь ли, они, вотъ эти люди, теперь должны за это въ тюрьму идти, а тебѣ все равно не жалъ ихъ?

— Чево жъ, это нешто дѣло, такъ торговать-то. Я чего, ничего. пушай на чай дадутъ. Нешто это торговля!

Приставъ похвѣлъ въ карманъ.

Я вынулъ полтинникъ и хотѣлъ дать разносчику.

— Нельзя, — сказала приставъ и, протянувъ разносчику какую-то мелочь, крикнулъ:

— Ну, ишель вонъ!

Тотъ выскочилъ.

— Ахъ, ну и плутъ, а не дуракъ. —

и обратясь къ намъ, приставъ показалъ на дверь справа.

— Зайдемте закусить. Коршуновъ! Подбаври самоварчикъ.

Въ это время раздался крикъ въ соседней комнатѣ, гдѣ сидѣлъ человѣкъ за рѣшеткой.

— Матрена Гавриловна, кто далъ денегъ на обзаведеніе? Я далъ. Кто тутъ? Я — потомственный, почетный....

Входя въ квартиру приставъ, Антонъ Павловичъ спросилъ его, кто этотъ человекъ за рѣшеткой.

— Рогожнѣ старобранецъ, онъ запойный. Трезвый когда — хороший человекъ. А запьетъ на мѣсяцъ — бѣда, куралесить. Вы думаете, я его сажую? Нѣтъ. Самъ идетъ. Сажай меня, говоритъ, Алексій Петровичъ въ клѣтку, яко зѣрка. Я, говоритъ, дошелъ до пустыни Вифліежской. Любить меня. Трое сутокъ только огуречный разсолъ пить, не спать. Но потомъ ничего, здровъ опять. Полгода не пьетъ ничего и не курить. Это вы все замѣчаете, господинъ Чехонтъ, все напишите!

Комната пристава была съ низенькимъ потолкомъ, окна выходили въ садъ. На подоконникахъ стояли длинныя ящики съ землей, на которой возмѣлъ посѣвъ какой-то зеленой травки. Все было неряшливо. Грязная салфетка на комодѣ съ зеркаломъ и фарфоровая собачка передъ ней въ углу умывалики, на стѣнѣ коверъ, на которомъ висѣли двѣ скрещенныя сабли, и тахта внизу. Пылъ на коврахъ, большое кресло и вѣнскіе стулья. Все говорило о житіи холостецкомъ.

У круглаго стола приставъ и городовой хлопотали и ставили закуску. При-

ставъ налилъ рюмки водки и сказалъ Чехову.

— Вы ко мнѣ захаживайте! Вамъ тутъ есть что увидѣть. Такіе ли апологизмы бывають. На-дняхъ одинъ богатый человекъ покойника купилъ, какъ довка всѣхъ провелъ. Вышло такъ, что себя похоронилъ, чтобы отъ жаны отдѣлаться, задалъ его. Но та нашла. Такъ онъ въ Турцію уѣхалъ.

— Что это за красавица? — спросилъ Антонъ Павловичъ, показывая на портретъ красивой женщины въ круглой рамѣ, висѣвшій на стѣнѣ.

— Это? Это владычица моя. моя жена.

Приставъ клалъ пироги съ капустою къ намъ на тарелки и часто вѣздывалъ рюмки съ березовкой.

— Отличная настойка, — говорилъ онъ, — Коршуновъ почку собираетъ.

— Да-съ, владычица моя. поднимай красавица. Я вѣдь кавалеристъ-сумелъ. У меня есть смѣль. И вотъ позвалъ я къ сыну релетитора, а онъ у меня ее и уралъ, — приставъ указалъ на портретъ. — Вотъ и разбилъ семью. Сидишь, что гдѣ то онъ теперь филозофъ права читаетъ.

Онъ помолчалъ:

— Хорошенькое право для молодого человека отнять женщину вѣное старое и разбить жизнь... Что вы скажете, господинъ Чехонтъ? — наливая рюмку съ березовой, спросилъ приставъ, обращаясь къ Антону Павловичу.

— А на гитарѣ онъ не игралъ?

— Нѣтъ, не игралъ.

— Ну, вотъ я и не знаю. — откликнулся Чеховъ. — отъ чего это онъ такъ легко отнимаются.... Константинъ Королевъ.